

Д. А. Ананьев

**Западная историография присоединения и начального
освоения Сибири в оценках отечественных
исследователей**

История присоединения и освоения Сибири привлекала внимание зарубежных исследователей на протяжении нескольких столетий. Для западных сибиреведов всегда было очевидно огромное историческое значение процесса освоения русскими Северной Азии и Тихоокеанского региона. Особое место в работах западных авторов уделялось периоду сибирской истории, охватывающему конец XVI - середину XIX вв., когда была заложена прочная основа русского присутствия в регионе, что позволило России сохранить свои территориальные приобретения, в то время как другие колониальные империи их утратили.

Наиболее активно вопросы сибирской истории изучались в XX в., когда возникли специализированные исследовательские центры, резко возросло количество публикаций по истории русской колонизации Сибири и Дальнего Востока, были предложены новые подходы к изучению данной темы, накоплен значительный историографический опыт - в первую очередь, исторической наукой развитых капиталистических стран: США, Канады, Великобритании, Германии.

Однако на протяжении многих десятилетий западная и советская историография Сибири развивались самостоятельно и даже изолированно друг от друга - зарубежные исследователи почти не имели доступа к советским архивам, а советские историки редко имели возможность работать на Западе. Специальные исследования, посвященные зарубежной (в первую очередь, американской) историографии Сибири, появились в советской исторической науке лишь в середине XX в.¹

В статьях В. К. Яцунского и В. В. Покшишевского, опубликованных в первой половине 1940-х гг., давалась высокая оценка деятельности американских историков - представителей Калифорнийской школы - Р. Кернера, Р. Фишера и Дж. Ланцева, отмечался их значительный вклад в развитие западной исторической науки². По мнению В. К. Яцунского, работа

Ананьев Денис Анатольевич, к.и.н., научный сотрудник Института истории СО РАН.

Эл. почта: den_an@ngs.ru

¹ См., напр.: Яцунский В. К. Развитие исторической науки в США // Историч. журнал. 1944, № 12.

² Яцунский В. К. Изучение истории в Калифорнийском университете в США // ВИ. 1945, № 5-6; Покшишевский В. В. Рец. на кн.: Р. Дж. Кернер. «Стремление к морю» // Изв. ВГО, 1947. Т. 79. Вып. 2. С. 232-236.

© Д. А. Ананьев, 2007

по русской истории, которая развернулась в 1930-40-х гг. в Калифорнийском университете, представляла немалый интерес, поскольку

задачей калифорнийских ученых стало «систематическое построение» истории России с историко-географической точки зрения.

Наиболее обстоятельно в статье В. К. Яцунского рассматривался труд основоположника Калифорнийской школы Р. Кернера «Стремление к морю. Курс русской истории», в том числе главы, посвященные русской колонизации Сибири и Дальнего Востока. В числе достоинств работы Р. Кернера В. К. Яцунский называл хорошее знание русской дореволюционной и советской исторической литературы по теме; использование большого и разнообразного фактического материала, на основе которого были составлены ценные исторические карты, приложенные к книге¹.

Работы учеников Р. Кернера – Дж. Ланцева и Р. Фишера, вышедшие в 1940-х гг., В.К. Яцунский охарактеризовал как «добросовестную сводку всех тех данных, которые авторы, каждый по своей теме, могли извлечь из опубликованных исторических документов и научной литературы, дореволюционной и советской: при этом руководящую роль для них играли работы современных советских историков, в особенности труды С. В. Бахрушина»².

Вместе с тем, В. К. Яцунский и В. В. Покшишевский обвинили основателя Калифорнийской школы, Р. Кернера, в географическом детерминизме, поскольку тот «касался "субъекта" истории – людей, носителей определенной классовой структуры общества – почти всегда вскозь, едва затрагивая осуществляемые ими (в том числе и в ходе территориальной экспансии) способы производства, не раскрывая их социальных взаимоотношений»³. В полной мере это относилось и к характеристике сибирской колонизации, данной Р. Кернером⁴.

В 1950 - 60-х гг. в условиях обострения межгосударственных противоречий периода «холодной войны» в работах советских исследователей, посвященных западной историографии Сибири, стала преобладать критическая составляющая. На пленарном заседании научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока, созванной в марте 1960 г. Отделением исторических наук и Сибирским отделением АН СССР, академик Е. М. Жуков в программном докладе об основных проблемах развития исторической науки отметил: «Буржуазная историография проявляет повышен-

¹ Яцунский В. К. Изучение истории в Калифорнийском университете в США // ВИ. 1945, № 5-6; Покшишевский В. В. Рец. на кн.: Р. Дж. Кернер. «Стремление к морю» // Изв. ВГО, 1947. Т. 79. Вып. 2. С. 232-236.

² Там же. С. 199.

³ Покшишевский В. В. Рец. на кн.: Р. Дж. Кернер. «Стремление к морю». С. 236.

⁴ Там же. С. 233. По-видимому, в дальнейшем сам В. В. Покшишевский решил противопоставить исследованию Р. Кернера свою собственную монографию «Заселение Сибири (историко-географические очерки)», опубликованную в Иркутске в 1951 г.

ный интерес к истории Сибири и Дальнего Востока. Основное ее направление – глубоко враждебное нам, лживое истолкование исторических событий...Буржуазные историки стремятся изобразить мероприятия Советского государства по освоению Сибири и Дальнего Востока как продолжение дореволюционной политики экспансии России на восток»¹. На этом основании Е. М. Жуковым делался вывод о необходимости подготовки трудов, посвященных этому важному вопросу, с тем чтобы «дать заслуженный отпор зарубежным фальсификаторам истории»².

Несмотря на поставленную задачу, обобщающего труда по «западным фальсификаторам» сибирской истории в советской исторической литературе так и не появилось, хотя отдельные ее аспекты затрагивались в статьях и монографиях, посвященных зарубежной историографии в целом, смежным историографическим проблемам, отдельным представителям западной исторической науки, а также в рецензиях на наиболее заметные зарубежные исследования по истории Сибири. Так, в сборнике «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма», вышедшем в 1962 г., в ряде статей содержались замечания относительно концепций продвижения России на восток, выработанных западными историками. Так, в статье Г. А. Некрасова «Основные тенденции новейшей английской науки в изучении истории СССР эпохи феодализма» подвергался критике раздел по русской истории в «Кембриджской новой истории», переизданной в 1957-1958 гг., в частности, тезис английских историков об исконной агрессивности внешней политики России, в том числе на востоке³.

Непосредственно вопросам истории Сибири в упомянутом сборнике посвящена статья А. А. Преображенского «Сибирь в кривом зеркале господина Э. Хельцле»⁴. Как отмечал А. А. Преображенский, западногерманский историк Э. Хельцле противопоставил процессы колонизации Северной Америки, где переселенцами была создана «страна свободы» и колонизации Сибири, где, как и везде в России, господствовали «деспотизм, царская автократия, гнет центральной власти и несвобода». Э. Хельцле не обнаружил серьезных проявлений освободительных тенденций в Сибири и вообще полагал, что освободительные идеи в России лишь воспроизводили идеи западных, прежде всего, американских идеологов свободы. Подобные заявления немецкого историка, в том числе и вывод «о военном и кочевом типе сибирской колонизации», вызвали резкое неприятие

¹ Жуков Е. М. Основные проблемы развития исторической науки в свете решений XXI съезда КПСС и задачи изучения истории Сибири и Дальнего Востока // Вопр. истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 12.

² Там же.

³ Некрасов Г. А. Основные тенденции новейшей английской науки в изучении истории СССР эпохи феодализма // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962. С. 22 – 25.

⁴ Преображенский А. А. Сибирь в кривом зеркале господина Э.Хельцле // Там же. С. 293 – 301.

со стороны А. А. Преображенского, который характеризовал Э. Хельцле как поборника «холодной войны», заведомо извращающего историю Сибири и революционного движения в России.

Несмотря на характерную для советских историков обстоятельность в критике буквально каждого тезиса западных авторов, их историографические исследования были фрагментарны. Обычно они посвящались разбору очень небольшого числа историографических источников, на основании чего как автору, так и читателю трудно было составить представление о состоянии того или иного направления в западной историографии, тем более об уровне изучения сибирской проблематики. В свою очередь, монографии, посвященные истории развития исторической науки отдельных стран, носили в основном теоретико-методологический характер (например, работы В. И. Салова, В. В. Согрина, А. Е. Куниной и др.¹) и не содержали разбора историографического направления, связанного с изучением сибирской истории.

Общие вопросы, связанные с зарубежной историографией освоения Сибири, рассматривались В. И. Шунковым в его небольшой статье «Разработка вопросов истории Сибири за рубежом». Отмечая давность возникновения среди зарубежных историков, дипломатов и путешественников интереса к Сибири, автор писал об усилении этого внимания после Октябрьской революции в таких странах, как США, Франция, Англия, Италия, ФРГ, Финляндия, Бельгия, Япония. Наибольшую активность проявляли США, особенно Гарвардский, Калифорнийский и Принстонский университеты, в которых созданы интереснейшие коллекции литературы и изданных источников. Далее В. И. Шунков сделал важный вывод: «Если учесть наличие ранней из подобных коллекций в США, а именно собрания Библиотеки Конгресса, начало которому положили материалы, приобретенные у красноярца Юдина, и наличие в США широкой библиотечно-библиографической информации и хорошо налаженного внутриамериканского книгообмена, то можно сказать, с некоторыми оговорками, что у американцев есть известная база для разработки вопросов истории Сибири»².

В 1970-80-х гг. традиция критического подхода к анализу трудов англо – и германоязычных сибиреведов нашла отражение в рецензиях и статьях Н. И. Горловой, М. И. Чемерисской, Л. В. Соколовой, Н. Н. Болховитинова, но эти работы были посвящены отдельным монографиям и статьям запад-

¹ Салов В. И. Антинаучный характер западногерманского «остфоршунга» // Критика западногерманского «остфоршунга». М., 1966; *Он же*. Современная западно-германская буржуазная историография. М., 1968; Согрин В. В. Критические направления немарксистской историографии США XX в. М., 1987; Кунина А. Е. США: методологические проблемы историографии. М., 1988.

² Шунков В. И. Разработка вопросов истории Сибири за рубежом // *Вопр. истории Сибири и Дальнего Востока*. С. 36.

ных авторов и не давали полного представления о ситуации в зарубежной историографии Сибири ¹.

С началом «перестройки» отечественные исследователи проявили огромный интерес к зарубежной историографии. В 1990-х гг. появились первые исследования обобщающего характера, посвященные западному сибиреведению и его отдельным направлениям (работы В. Н. Чернавской, Е. В. Алексеевой, Т. В. Воробьевой, Ю. В. Корчагина) ².

В серии статей В.Н. Чернавская рассмотрела методологические основы англоязычной историографии «русской восточной экспансии»; историю возникновения на Западе особого историографического направления, связанного с изучением истории сибирской и дальневосточной колонизации. Особое внимание исследовательница уделила «Калифорнийской школе» - деятельности историков Калифорнийского университета, которые внесли большой вклад в развитие западного сибиреведения в XX в. В меньшей степени В. Н. Чернавская рассмотрела эволюцию британской историографии.

В статье В. Н. Чернавской «Концепция «русской восточной экспансии» в англоязычной историографии истории Дальнего Востока России (XVII-XVIII вв.» исходный тезис гласит, что вся англо-американская и канадская историография русского Дальнего Востока XVII-XVIII вв. основывается на

¹ *Соколова Л. В.* Г. В. Ланцев, Р.А.Пирс. Исследование и освоение земель на русской открытой границе до 1750 г. – Монреаль, Лондон, 1973 // Рефер. журн: обществ. науки за рубежом. Сер. 5. М., 1976, № 1. С. 72 – 77; *Чемерисская М. И.* Дж. Р. Гибсон. Взаимоотношения между русскими и коренными жителями в Русской Америке. – Вашингтон, 1980 // Рефер. журн: обществ. науки за рубежом. Сер. 5. М., 1981, № 2. С. 56 – 57; *Болховитинов Н. Н.* Зарубежные исследования о С. Дежневе и В. Беринге // Изв. АН СССР. Сер. географии, 1983. № 4. С. 96 – 104; *Горлова Н. И.* Жуай Е. Ф. Транзитный путь из Москвы в Даурию: проблемы транспорта и передвижения в Сибири в XVII в. – Кельн, 1981 // Рефер. журн: общественные науки за рубежом. Сер. 5. М., 1983, № 2. С. 35 – 37; *Резун Д. Я.* Колонизация Сибири и ее специфика // Фронтир в истории Сибири и Северной Америке в XVII-XX вв. Общее и особенное. Вып. 3. Новосибирск, 2003. С. 13 – 32.

² *Алексеева Е. В.* Русская Америка: новые концепции в англоязычной историографии // Изв. СО РАН. История, филология и философия. 1993. Вып. 1. С.59 – 63; *Она же.* Русская Америка. Американская Россия? Екатеринбург, 1998; *Воробьева Т. В.* Теория «передовой подвижной границы» ("frontier") и народы Камчатки и Аляски // Вестн. Камчатск. регион. ассоциации «Учебно-научный центр» (КРАУНЦ). Гум. науки. Петропавловск-Камчатский, 2005. № 1. С. 1 – 8; *Корчагин Ю. В.* Политика российского самодержавия и традиционные общества народов севера в зарубежной историографии // Докл. межвуз. науч.-теор. конф. Ч. 2. Петропавловск-Камчатский, 1995. С. 3-25; *Чернавская В. Н.* Великие русские географические открытия на Северо-востоке Азии в XVI-XVIII вв. в освещении англо-американской историографии // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. Истор.-археол. иссл.. Владивосток, 1994; *Она же.* Сибирь и Дальний Восток в англоязычной историографии. К методологии вопроса // Краеведч. бюл. Проблемы истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий. № 4. Южно-Сахалинск, 1995. С. 3 – 21.

расширении русского государства в восточном направлении. В. Н. Чернавская сделала вывод о том, что развитие всего историографического направления шло в рамках концепции «русской восточной экспансии»¹. С самого начала в статье В. Н. Чернавской данный термин получил предельно расширительное толкование. Исследовательница выделила две позиции в отношении данной концепции, изложенные в работах английских и американских историков.

Первая позиция рассматривает «русскую восточную экспансию» как процесс, положивший начало важным географическим открытиям в регионе. Вторая позиция, оформившаяся после 1861 г. в работах Т. Аткинсона, Дж. Керзона, А. Краузе, определяла экспансию как процесс «поглощения русскими «чужих территорий». В. Н. Чернавская полагала, что концепция географического детерминизма, разработанная Р. Кернером, - единственное существенное различие между работами по истории Сибири, опубликованными англоязычными авторами во 2-й половине XIX в. и в 40-70-х гг. XX в. Таким образом, исследовательница присоединилась к критическим выводам В. К. Яцунского и В. В. Покшишевского.

Новый шаг в разработке концепции «русской восточной экспансии» В. Н. Чернавская видела в появлении статьи Б. Дмитришина «Русская экспансия к Тихому океану, 1580-1700: историографический обзор», первоначально опубликованной в журнале "Slavic Studies" в 1980 г.² Развивая идеи Б. Дмитришина, в статье 1995 г. исследовательница пояснила, что под «русской восточной экспансией» в англоязычной историографии понимается вообще движение русского народа на восток, от Урала до Тихого океана, и его влияние на последующее развитие Сибири и русского Дальнего Востока³.

Е. В. Алексеева, рассматривавшая англоязычную историографию Русской Америки, подчеркивала, что под освоением территорий понимается их географическое открытие, заселение, хозяйственное, политическое, культурное освоение⁴. Резюмируя выводы историков, писавших о географических открытиях русских в Тихоокеанском регионе, исследовательница отметила продуктивность развития данного историографического направления в 1940-70-е гг., объяснение чему «следует искать в идеологической нейтральности данной темы, в то же время позволявшей пози-

¹ Чернавская В. Н. Концепция «русской восточной экспансии» в англоязычной историографии истории Дальнего Востока России (XVII-XVIII вв.) // Вест. ДВО РАН, 1994. 5-6 (56 – 57). С. 194 - 200.

² Там же. С. 199.

³ Чернавская В. Н. Сибирь и Дальний Восток в англоязычной историографии. К методологии вопроса // Краеведч. бюлл. Проблемы истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий. Южно-Сахалинск, 1995. № 4. С. 10.

⁴ Алексеева Е. В. Русская Америка: новые концепции в англоязычной историографии // Изв. СО РАН. История, филология и философия. 1993 г. Вып. 1. С. 59.

тивно характеризовать русское освоение Дальнего Востока и Америки»¹. Кроме того, успешности научных изысканий способствовало и обилие разнообразных источников, в значительном количестве отложившихся в архивах. Заметным фактом в развитии данного историографического направления исследовательница считала конференцию, посвященную 250-летней годовщине Второй Камчатской экспедиции, а публикацию ее материалов² расценивала как «серьезный шаг вперед в изучении американскими историками географических вопросов русского освоения севера Тихого океана».

Продолжением традиционного подхода к изучению зарубежной историографии можно считать выводы О. Л. Миловой, сделанные в рецензии на книгу английского исследователя Дж. Форсиса «История народов Сибири. Северная азиатская колония России 1581-1990 гг.», опубликованную в 1992 г. О. Л. Милова пришла к выводу, что Дж. Форсис ошибочно подходил к освоению Сибири русскими как к единому процессу, тогда как необходимо различать «государственную» и «народную» колонизацию, а также учитывать, что «в государственной политике России всегда присутствовало и достаточно вдумчивое, охранительное отношение к народам Сибири и Дальнего Востока»³.

К более внимательному анализу работ зарубежных исследователей Сибири фактически призывает Т. В. Воробьева, полагающая, что историографический пробел, связанный с недостаточной изученностью историю русского заселения Камчатки и взаимоотношений пришлого и коренного населения позволяет применить теории «фронттира»⁴.

По мнению исследовательницы, данная теория лежит в основе монографии американских историков Р. Пирса и Дж. Ланцева, которые считали, что «немногочисленные местные жители, населяющие огромную площадь с ценными природными ресурсами и, находившиеся на пути идущей вперед России, обречены были, так же как и население приграничья в любых частях мира, страдать от такой судьбы, неся наказание за отсталость»⁵. С выводом Т. В. Воробьевой можно согласиться лишь отчасти. Дж. Ланцев и Р. Пирс, безусловно, принимали во внимание теорию

¹ Алексеева Е. В. Русская Америка. Американская Россия?. Екатеринбург, 1998. С. 100.

² *Bering and Chirikov. The American Voyages and Their Impact.* Ed. by O.W. Frost. Anchorage, Alaska, 1992.

³ Милова О. Л. Рец. на кн.: Forsyth J. The History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581-1990. Cambridge, 1992 // Вопросы истории, 1993 г., № 11 – 12. С. 167 – 169.

⁴ Воробьева Т. В. Теория «передовой подвижной границы» ("frontier") и народы Камчатки и Аляски // Вест. КРАУНЦ. Гум. науки. Петропавловск-Камчатский, 2005. №1. С. 1 – 8.

⁵ *Lantzeff G. V., Pierce R. A. Eastward to Empire. Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier, to 1750.* Montreal, London, 1973.

«фронта» Ф. Тернера, но главное внимание уделяли концепциям Р. Кернера и Ф. Голдера.

В целом, история развития западного сибиреведения в конце XIX – XX вв. была слабо изучена отечественными исследователями. Советские и российские авторы сосредотачивали свое внимание на отдельных работах западных исследователей, не давая полной картины развития историографии. При этом оценка достижений западного сибиреведения менялась в зависимости от изменений внешних факторов – прежде всего, политических и идеологических. Для работ отечественных историографов традиционным стал вывод (во многом, безусловно, справедливый) об узости источниковой базы зарубежных исследований и идеологической тенденциозности их авторов. Но такой своего рода уравнительный подход к оценке достижений западного сибиреведения ведет к упрощенному пониманию очень сложного процесса развития историографии и зачастую не соответствует действительному положению дел в западной исторической науке. Перед отечественными учеными стоит задача освоения лучших достижений исторической науки других стран, изучения концепций, идей, а также новых источников, введенных в оборот западными исследователями.